

Когда Шэнь Цинчжоу с остальными вернулся на остров Мосин, туда уже прибыл вестник от принцессы Чандин. Выслушав доклад о «подвигах», которые его младший соученик успел совершить за пределами семейных земель, Цинь Жуй едва не расхохотался от злости прямо при свидетелях.

Своя кровь — лучший свидетель. Оборону вокруг острова Мосин нельзя было назвать безупречной крепостью, но дозоры стояли на каждом углу: три шага — пост, пять шагов — страж. И надо же было такому случиться: Шэнь Цинчжоу ухитрился глухой ночью выскользнуть из-под самого носа охраны, да еще и увести с собой троих младших!

Цинь Жуй готов был рвать на себе волосы. Неужели этот паршивец действительно находится лишь на начальной стадии Очищения Сущности?

Как, во имя всех предков, он сумел ускользнуть?!

Свою ненаглядную дочь, Цинь Сыминь, глава клана обожал слишком сильно, чтобы осыпать упреками. Да и толку-то? Старшая молодая мисс Цинь едва ли обратила бы внимание на гневные речи, так что ругаться было бесполезно.

Тань Ци, сын старого друга, тоже пользовался его снисхождением. Глава клана наказал его чисто символически: шуму наделал много, а на деле — простил и отпустил.

К Шэнь Цинчжоу придаться тоже не получалось. Раз уж старшая молодая мисс Цинь отдала приказ, мог ли обычный распорядитель перечить хозяйской воле? Максимум, что ему грозило — упрек в сокрытии правды от главы семьи.

А Цинь Тяньцэ... Ну что взять с юродивого!

В итоге Цинь Жуй остался наедине со своей обидой. Видя грозовую тучу на лице отца, молодой глава Цинь Сыюань на цыпочках подошел к столу и бережно налил ему пиалу горячего чая.

Слуга вошел и доложил:

— Глава, хозяин Терема Черной Птицы просит аудиенции.

— Куньюй? — Цинь Жуй устало потер переносицу. — Хорошо, зови.

Смыв дорожную пыль, Шэнь Цинчжоу облачился в длинное черное одеяние из плотного шелка, по подолу которого бежала искусная вышивка, изображавшая речную рябь. Черные волосы, гладкие и мягкие, словно дорогой атлас, были небрежно стянуты на затылке.

На фоне далеких, окутанных туманной дымкой гор его фигура казалась особенно изящной. Придерживая подол, он легко перешагнул порог. С его появлением в зале будто повеяло весенней свежестью: словно гибкая ветвь молодой ивы всколыхнула студеную воду пруда, а стремительный взмах ласточкиного крыла разогнал тяжелые облака. В комнате мгновенно стало светлее.

Природа одарила его великолепными глазами-фениксами. Изысканный изгиб приподнятых век намекал на скрытую страстность и благородную ветреность, но взгляд этих темных глаз оставался настолько чистым и невинным, что никто не посмел бы осквернить его даже потаенной грязной мыслью.

Полюбовавшись безупречным обликом младшего соученика, Цинь Жуй почувствовал, как раздражение улечивается, сменяясь умиротворением, точно от дуновения весеннего бриза.

Снова расплывшись в добродушной улыбке, он заговорил:

— Куньюй, проходи, садись сюда. Эй, подать хозяину Терема Черной Птицы лучшего чаю!

Выказав почтение главе клана и его наследнику, Шэнь Цинчжоу чинно сел на указанное место. Подбежавшая служанка дрожащими руками поднесла ему пиалу свежесваренного чая. Он вежливо склонил голову, благодаря за заботу.

Поймав на себе кроткий взгляд неописуемо красивого юноши, служанка мгновенно залилась краской и, смущенно пряча лицо, поспешила скрыться за дверью.

Окружающие давно привыкли к подобному действию его чар, а потому никто не выказал удивления и уж тем более не позволил себе сальных шуточек.

Цинь Жуй скользнул взглядом по лицу юноши. Тот сидел, скромно опустив веки, и неторопливо смаковал чай. Убедившись, что соученик занят делом, глава клана устался в пустоту и мысленно вызвал интерфейс игровой системы, открывая вкладку шкалы отношений.

На этот раз Цинь Жуй поступил умнее. Вместо того чтобы вручную перелистывать бесконечный список контактов, он сразу вбил имя в строку поиска. Одно мгновение — и нужная строчка высветилась перед глазами.

Ну-ка, каково там отношение Куньюя к своему дорогому старшему соученику?..

Сколько-сколько?!

Ноль?!

Круглый, мать его, ноль!

Цинь Жуй отказывался верить своим глазам. Он уставился на сиротливую цифру напротив имени Шэнь Цинчжоу, моргнул, протер глаза, но значение не изменилось. Потрясенный, он медленно поднял взгляд на сидящего перед ним юношу.

Почувствовав на себе тяжелый взор старшего, Шэнь Цинчжоу оторвался от пиалы и вопросительно посмотрел на него.

Цинь Жуй свернул окно системы, оперся локтем о столешницу и подпер подбородок ладонью, погружаясь в пучину экзистенциального кризиса.

«Как его поездка могла все так испортить? Черт возьми, да с моей-то внешностью даже у случайного прохожего на улице уровень симпатии поднялся бы выше нуля при первом же знакомстве!»

«Неужели...»

Шэнь Цинчжоу ощутил, как воздух в помещении внезапно стал тяжелым и вязким. Он отставил пиалу, расправил плечи и сел идеально ровно, придав лицу подходящее моменту строгое выражение.

Взглянув на то, в какой небрежной, согнутой позе застыл глава семьи, Шэнь Цинчжоу едва заметно поморщился. Он терпел сколько мог, но благородное воспитание все же взяло верх:

— Глава, держите осанку. Не подобает главе великого клана сидеть столь небрежно, развалившись на мебели.

«Ого, слышал? Ну дает! В этом весь наш Куньюй!» — один из распорядителей, делая вид, будто обмахивается веером, заговорщически подмигнул стоящему рядом приятелю.

«Умный какой. Попробуй сам вякнуть нечто подобное в лицо главе», — его товарищ сухо кашлянул, сохранив на лице каменную маску.

«Ну вас к черту, ищите приключения на свою голову без меня. Наш глава только улыбается сладко, а на деле — сущий тигр под овечьей шкурой», — юный адепт замигал с такой частотой, словно ему в глаза насыпали песку.

Бабах!

Пока внизу велась безмолвная перепалка, Цинь Жуй внезапно очнулся от глубоких раздумий и со всей силы грохнул кулаком по столу. Посуда испуганно подпрыгнула, фарфоровые пиалы и

чайник с жалобным дребезжанием взлетели в воздух и со звоном повалились обратно.

Шептавшиеся адепты подпрыгнули от неожиданности. Узрев на лице господина мрачную, грозовую маску, они мгновенно вытянулись в струнку и устались в пол, боясь издать даже вздох.

Взмахом рукава Цинь Жуй велел всем присутствующим убираться вон. Из зала выставили даже его собственного сына, наследника клана. В тишине просторного помещения остался лишь Шэнь Цинчжоу.

— Глава? — удивленно и тихо спросил Шэнь Цинчжоу. — Зачем вы выгнали всех без объяснений? Среди них были почтенные наставники-практики нашей семьи. Если кто-то затаит обиду или решит раздуть из этого скандал, мы можем в один миг лишиться преданности преданных людей.

Цинь Жуй промолчал. Медленно поднявшись со своего кресла, он неторопливо сошел по ступеням помоста. Одну руку он держал за спиной, а ладонь другой уже лежала на резной рукояти его меча.

Он тяжело нахмурился, обдав собеседника могильным холодом, а в черных глазах застыл мрак надвигающейся бури.

В груди Шэнь Цинчжоу тревожно екнуло сердце. Интуиция подсказывала, что ситуация выходит из-под контроля.

Как ни старался глава клана сдержать свои эмоции, Шэнь Цинчжоу уловил едва заметное дыхание жажды крови — ледяное и острое, словно омытое крепким вином лезвие. Удар еще не был нанесен, но это незримое острие уже прочертило глубокую царапину на его душе.

«Глава хочет меня прикончить? Он действительно готов пойти на убийство!»

Шэнь Цинчжоу мгновенно подобрался и встал. Он не привык постоянно таскать с собой оружие, полагая, что в родных стенах, под защитой сильнейшего мастера, ему ничего не угрожает. Сегодня при нем не было духовного меча.

Он незаметно сжал кулаки. Кровь шумела в ушах, а лицо его сделалось бледным, как полотно.

Аура Цинь Жуя тяжелым горным хребтом навалилась на плечи юноши. Не торопясь, мерным шагом глава клана шел к своему соученику. Шэнь Цинчжоу не шелохнулся и не отвел взгляда, прямо и твердо глядя в упор на старшего.

Даже когда холодная сталь духовного клинка Цинь Жуя легла ему на шею, он не отступил ни на вершок.

— Глава, — тихо позвал Шэнь Цинчжоу.

Он расправил плечи и заговорил — тихо, отчетливо, но в голосе его скользнула затаенная грусть:

— В чем провинился Чжо?

Временами Шэнь Цинчжоу бывал безумно, отчаянно храбр. Вот и сейчас он шел на огромный риск, ставя все на то, что Цинь Жуй еще колеблется и не готов пролить кровь соученика.

Могильный холод лезвия впивался в кожу, проникая в плоть и растекаясь по костям. Юноша сам не понимал, что сейчас творится у него в душе. Безумный страх и растерянность мешались с глупым, обжигающим чувством горькой обиды. Его предали.

Ярость жгла изнутри, словно раскаленные угли. Не будь разница в их силах столь сокрушительной, Шэнь Цинчжоу, не раздумывая, съездил бы главе по физиономии — просто чтобы выбить из того эту дурь.

Но последующие слова Цинь Жуя заставили его окончательно растеряться.

— Отвечай! Где Куньюй?!

Заметив искреннее недоумение на лице пленника, Цинь Жуй хищно и холодно оскалился:

— Должен отдать тебе должное: притворяешься ты мастерски. По пути сюда никто и глазом не моргнул, не заподозрив подмены.

— Да о чем вы говорите, глава?! Я и есть Шэнь Цинчжоу! — опомнившись, горячо воскликнул юноша.

— Дай-ка угадаю... Сяо Ци подробно расписал мне все, что случилось. Настоящего Куньюя утащил Таоте, а тот, кто вернулся под его личиной — самозванец. Не так ли?

Цинь Жуй вещал со стопроцентной уверенностью в собственной правоте. Рука его держала клинок мертвой хваткой, без малейшего намека на дрожь. Стоило самозванцу сделать хоть одно лишнее движение, и острая сталь мгновенно покатила бы по его шее.

— Наш Куньюй еще жив. Ты или твои сообщники заперли его где-то, а может, и вовсе превратили в безмозглую марионетку.

Иного объяснения Цинь Жуй найти просто не мог: если бы Куньюй погиб, его имя исчезло бы

из списков системы. Но оно оставалось там — вот только шкала отношений обнулилась, застыв на зловещей отметке «0».

— Где он? Говори, и, возможно, я пощажу твою жалкую жизнь.

Шэнь Цинчжоу потрясенно уставился на него. Вслед за вечным вопросом «кто я?» перед ним во весь рост встала куда более прозаическая, но смертельно опасная задача: как доказать сумасшедшему брату по секте, что ты — это действительно ты?

У него перехватило дыхание. Несколько долгих мгновений он просто молча всматривался в лицо Цинь Жуя, пытаясь осознать глубину его безумия, и наконец спросил:

— С чего вдруг господин глава решил, будто я — подделка?

Цинь Жуй лишь презрительно фыркнул. Разумеется, раскрывать тайну игровой системы он не собирался:

— С какой стати я должен тебе отчитываться?

С этими словами он слегка нажал на эфес. Острая грань плотнее прижалась к горлу юноши. Невидимая, но осязаемая аура смерти удавкой стянула шею Шэнь Цинчжоу, мешая сделать даже самый тихий вдох.

Шэнь Цинчжоу окончательно потерял терпение. В его голосе зазвучали язвительные нотки:

— Клинок Линьюань легко рассекает летящий волос. Советую вам быть осторожнее, глава, а то рука дрогнет.

— Без сопливых разберусь!

Если быть до конца честным, Цинь Жуй и сам уже начал сомневаться. Уж слишком точно этот юноша копировал манеры его младшего соученика — особенно эту невыносимую, сочащуюся ядом вежливость, когда тот бывал не в духе. Сходство казалось пугающим.

«Но система ведь четко показывает...»

«Да к черту эту систему! Разве она уже не сбоила, когда Сяо Ци едва не утонул?»

«Имя Тань Ци до сих пор не вернулось в список! Что, если передо мной действительно мой младший брат?..»

«Нет, бред какой-то!»

Цинь Жуй нахмурился еще сильнее. Сила духа Куньюя едва достигала начальной ступени Очищения Сущности. Этот же юноша преспокойно стоял под сокрушительным давлением мастера, и одним лишь упрямством это объяснить было невозможно.

Такая стойкость требовала как минимум поздней стадии Очищения Сущности, а то и вовсе перехода на ступень Преобразования Ци в Дух!

Преодолеть два, а то и три барьера за одни сутки? Что за нелепость! Даже признанный гений Мэн Сю не вытворял столь безумных вещей.

— И как господин глава прикажет мне доказать свою личность? — Шэнь Цинчжоу устало прикрыл веки, всем своим видом показывая, как ему надоел этот допрос. — Меч, Влекущий Тень, послужит достаточным доказательством?

— Легендарные клинки обладают волей, но и их можно подчинить хитростью.

«Значит, не катит».

— Быть может, мне поведать о паре секретов, известных лишь вам да мне? — предложил Шэнь Цинчжоу.

— Раз ты сам это предлагаешь, значит, заранее все разузнал и подготовился, — отрезал Цинь Жуй. — Я не куплюсь на твои басни.

— Что ж, воля ваша. Моя шея перед вами. Меч у главы клана знатный, так что рубите порезвее, не томите, — Шэнь Цинчжоу устало зажмурился.

Чувство несправедливости вперемешку со злостью бурлило в груди. Лишь колоссальное усилие воли удержало его от того, чтобы демонстративно закатить глаза — и это было проявлением его максимального почтения к старшему брату по секте.

Услышав эту тираду, Цинь Жуй внезапно просиял. Он тут же отбросил в сторону драгоценный клинок Линьюань и сгреб ладони Шэнь Цинчжоу в свои широкие руки.

— Куньюй! Ты действительно мой Куньюй! Ха-ха-ха, живой, целый!

«Что значит "целый"? С чего бы мне быть не целым? Единственную угрозу моей жизни только что представлял ты сам!»

Шэнь Цинчжоу мысленно выругался, но отстраняться от обрадованного родственника не спешил.

Однако язык его по-прежнему колот ядом:

— Ошибаетесь, я вовсе не Шэнь Цинчжоу. Я искусный лазутчик, укравший личину вашего младшего соученика, дабы беспрепятственно проникнуть на остров Мосин.

Цинь Жуй лишь отмахнулся от его сарказма:

— Ну полно тебе, Куньюй, обижаться. Старший брат виноват перед тобой, признаю. Лучше поведай мне, какую такую невероятную благодать ты снискал в странствиях, раз сумел совершить прорыв на ступень Преобразования Ци в Дух?

— Всего лишь полушаг до Преобразования Ци в Дух, — видя, что гроза миновала, Шэнь Цинчжоу тоже сменил гнев на милость. — Все благодаря Императору Чжаоле, который передал мне часть своих сил. Это позволило совершить столь стремительный скачок.

Разумеется, «передача сил» была чистой выдумкой, которую они наспех сочинили вместе с Чжоу Фу. Старший товарищ резонно рассудил, что раскрывать существование Книги Гор и Морей раньше времени было бы верхом глупости.

Богатство рождает зависть, а слабый обладатель сокровища обречен на гибель. Шэнь Цинчжоу пока не накопил достаточно сил, и если бы весть о его реликвии разнеслась по свету, даже могущественный клан Цинь с Пэнляя смог бы в лучшем случае спрятать его от чужих глаз, но никак не защитить от великих мира сего.

Потому самым разумным выходом оставалось полное, абсолютное молчание.

— Передача сил? — искренне удивился Цинь Жуй. — Я всегда полагал, что эти байки выдумали далекие от пути самосовершенствования смертные.

— Ваш покорный слуга и сам не ведает, какое именно тайное искусство применил Император Чжаоле, — мягко отозвался Шэнь Цинчжоу. — Назвать это «передачей сил» — лишь самый простой способ описать произошедшее.

Желая поскорее увести разговор от опасной темы, он тут же задал встречный вопрос:

— И все же, почему вы сперва сочли меня самозванцем, а в следующее мгновение так легко признали во мне своего соученика?

— Ну... это... — Цинь Жуй поспешно вернулся за стол, схватил свою пиалу и невнятно

пробормотал из-за ее края: — Просто твоя сила возросла слишком внезапно, вот я и встревожился. Мало ли какие беды могли стрястись с тобой в пути.

Пока Цинь Жуй тщетно пытался скрыть неловкость, Шэнь Цинчжоу уже продумал дальнейшие слова.

— Глава, — неторопливо заговорил он. — Я пришел к вам еще и потому, что должен проститься.

— Проститься? — Цинь Жуй поперхнулся, едва не выплеснув драгоценный напиток себе на колени. — Куда это ты намылился?

— В дикие земли Чжужао, — невозмутимо ответил Шэнь Цинчжоу, выкладывая заранее заготовленную легенду. — В юности, сопровождая учителя в его странствиях, мы посещали те края. Учитель оставил там редчайшее духовное растение. Судя по моим подсчетам, оно как раз должно созреть в эти дни. Мне нужно поспешить и забрать его, пока до сокровища не добрался кто-то другой.

Цинь Жуй задумчиво прищурился:

— В дикие земли Чжужао, значит...

Дикие земли Чжужао... Место, где звонко поют волшебные птицы-луань, где в вечном танце кружатся фениксы, а лесные звери живут в мире и согласии.

— Хорошо, позволяю. Все ли дела в Тереме Черной Птицы улажены? — великодушно махнул рукой Цинь Жуй.

— Разумеется, — кивнул Шэнь Цинчжоу.

— Прекрасно. Береги себя в пути и не задерживайся слишком долго.

Шэнь Цинчжоу вежливо поклонился:

— Благодарю за заботу, глава. Если повезет, на обратном пути я постараюсь наловить для семьи драконьих рыб.

— Опасаюсь только, что с твоими скромными силами тебе эту рыбу ни за что не поймать, — покатился со смеху Цинь Жуй.

Шэнь Цинчжоу покинул зал заседаний. Снаружи его встретило яркое полуденное солнце,

заставившее юношу слегка прищурить глаза.

Конечно, истинной целью его путешествия были вовсе не Дикие земли Чжужао. Его путь лежал к мрачной горе Чанъян — древней обители, ставшей могилой для безголового воителя Синтяня.

Прошлой ночью Чжоу Фу прислал ему тайное послание, в котором слезно молил его совершить это паломничество во что бы то ни стало.

<http://bllate.org/book/18428/1866255>